

Веселое царство

Ха! Ха! Ха!

Хи! Хи! Хи!

За десятки, за сотни, за тысячи верст раздавались громкие раскаты веселого, беззаботного смеха. Раздавались с утра и до вечера, с заката и до восхода солнца, раздавались без перерыва.

Это смеялись жители Веселого царства. Странное, совсем особенное это было царство. Другого такого нет, не было и не будет на земле.

Очень занятое царство. Там никто никогда не горевал, не плакал, не жаловался, не печалился, не болел. Там все смеялись, смеялись постоянно, смеялись без усталости. Ходили -- и смеялись, сидели -- и смеялись, работали -- и смеялись, говорили -- и смеялись, даже... спали -- и смеялись. Только и слышно было: ха, ха, ха да хи, хи, хи!

Веселее всех смеялся царь Веселого царства. Веселая улыбка так и не сходила с его лица; на высоком его лбу никогда не видно было морщинки грусти, а глаза царские постоянно искрились смехом -- добрым, веселым смехом.

Просыпался утром веселый царь и со смехом звонил в колокольчик. Со смехом появлялись царские слуги.

-- Давайте одеваться. Хи-хи-хи! -- командовал царь.

-- Извольте, ваше величество, ха-ха-ха! -- заливались слуги.

Одевшись, царь выходил на балкон своего дворца послушать, как смеются подданные в его столице.

По улицам бежали смеющиеся люди, со смехом возницы предлагали прохожим свои услуги, со смехом торговцы продавали свои товары...

Все смеялись. Все... И взрослые, и дети, юноши и старцы, господа и слуги, генералы и солдаты, богатые и бедные. Точно серебряный звон стоял над Веселым царством, точно там праздновался постоянно светлый, радостный праздник -- так были все счастливы и веселы.

И вдруг однажды в это царство радости, довольства, счастья и смеха забрела старая, худая, согнутая в три погибели старуха -- такая, какой никогда не видывали в Веселом царстве. У нее было мрачное, печальное лицо, глаза какие-то растерянные, полуслепые от слез, а щеки ввалились от худобы. Седые космы редких волос выбивались у нее из-под платка.

-- А ты умеешь смеяться? Ха-ха-ха! Умеешь? -- зазвенело, загудело на разные голоса вокруг нее.

Старуха гордо выпрямилась. Ее глаза гневно блеснули.

-- Плакать? -- с удивлением переспросили веселые люди. -- Нет, старуха, это ты

напрасно думаешь. Ха-ха-ха! А вот мы заставим тебя смеяться, увидишь -- заставим.

-- Никогда! -- сурово оборвала их старуха Нужда.

-- Нет, заставим. Непременно заставим, -- повторили несколько раз веселые люди. -- Ха-ха-ха! Давай сейчас смеяться. Слышишь?

-- Никогда! -- вновь повторила Нужда. -- И не требуйте от меня чтобы я смеялась: раз я засмеюсь, беда вам будет.

-- Ха-ха-ха! -- ответили веселые люди. -- Разве от смеха может быть беда? Нет, бабушка, ты должна с нами смеяться. Ну-ка, Начинай!

-- Не буду! -- угрюмо повторила опять старуха.

-- Ну, хоть немножко!

-- Никогда! -- вновь повторила Нужда.

Как ни старались веселые жители Веселого царства рассмешить старуху Нужду, их старания ни к чему не повели. Рассердились, наконец, веселые люди, но рассердились, конечно, по-своему, по-смешному.

-- Не смеяться в нашем Веселом царстве, а грустить и печалиться, когда мы все смеемся, -- это преступление, -- говорили они. -- Мы этого так не пропустим и отдадим тебя, старуха, под суд. Пусть умные судьи решат, как быть с тобою.

И недолго думая, они подхватили старуху и потащили ее в суд.

-- Ха-ха-ха! В чем провинилась эта старушенция? -- спросили судьи, когда привели Нужду в большую комнату, в которой заседал суд.

Веселые люди рассказали, что старуха заупрямилась, не хочет ни за что смеяться.

Долго-долго советовались судьи, наконец обратились к Нужде с такой речью:

-- Слушай, старуха. Ты лучше раскайся и засмейся. Тогда мы тебя простим.

Ха-ха-ха!

Но Нужда с гневом отказалась от такого предложения. Не станет она смеяться. Ни за что не станет! Никогда не смеялась и не будет смеяться. Ее дело печалить людей, и не к лицу ей смех.

-- Наказывайте! Я ничего не боюсь! -- надменно заявила упрямица.

Опять стали совещаться судьи. Словно пчелиное жужжанье повисло в воздухе, так они спорили и гоготали, прерывая постоянно свою речь смехом.

Кончили, наконец, совещанье и вынесли такой приговор:

-- Так как старуха, несмотря на все увещания, упрямится и не хочет смеяться, то немедленно выслать ее из пределов Веселого царства и не позволить ей ни минуты оставаться среди веселых людей.

Нужда молча выслушала этот приговор. Но веселые люди, которые привели ее в суд, остались недовольны приговором.

-- Что это за наказание? -- кричали они. -- Нет, надо непременно заставить

смеяться старуху. Непременно надо. Судьи неверно решили дело! -- и они потребовали, чтобы были призваны другие судьи, которые придумали бы старухе иное наказание.

Это желание было тотчас исполнено. Опять собрались судьи, опять совещались, спорили и вынесли такой приговор:

-- Закрывать все заставы Веселого царства и не выпускать старуху до тех пор, пока она не станет смеяться.

Но веселый народ и этим приговором остался недоволен.

-- Ха-ха-ха! -- кричали веселые люди на разные лады. -- Разве такой приговор подействует на упрямую старуху? Ничуть. Нет, видно, судьям не решить этого дела. Отправимся мы лучше к нашему королю: он сумеет приказать старухе смеяться. Ха-ха-ха!

И они бросились к Нужде, подхватили ее и потащили ее во дворец.

Царь вышел к толпе, приблизился к старухе и, громко смеясь, произнес:

-- Старуха, смейся!

-- Не буду! -- угрюмо отозвалась Нужда.

-- Тебе говорят, смейся!

-- Ни за что.

А старуха становилась с каждой минутой все угрюмее, все мрачнее.

Подумал веселый царь, как и чем заставить старуху исполнить желание народа, то есть рассмеяться, и, наконец, сказал:

-- Слушай, бабушка Нужда. В наказание за твое упрямство я лишаю тебя самого дорогого, что только может быть на свете: отныне я запрещаю тебе, раз и навсегда, смеяться. Как бы весело тебе ни было на душе, ты лишена впредь возможности смеяться. Страшное это наказание! Ты его почувствуешь, старуха, потому что как рыба не может жить без воды, как никакая земная тварь не может существовать без воздуха, так человек не может жить без смеха. А ты, Нужда, лишена отныне этого великого блага, ха-ха!

-- Ха-ха-ха! -- раздалась в ответ на это громовые раскаты смеха веселого народа, очень довольного умным приговором своего короля.

Вместе с народом расхохоталась, вопреки всем ожиданиям, и сама старуха Нужда.

Расхохоталась хриплым, замогильным, отвратительным своим смехом, таким громким, что он заглушил смех тысяч веселых людей.

Расхохоталась потому, что такого наказания никак не могла ожидать старуха Нужда.

И лица у них, всегда такие веселые, довольные, становились все серьезнее и серьезнее. Как ни стараются они по-прежнему хохотать, смех у них выходит какой-то сдвленный, невеселый.

А старуха Нужда смеется все громче да громче, приплясывает, скачет...

Прошло еще несколько времени -- и в Веселом царстве совсем не стало больше слышно смеха. Люди точно разучились смеяться.

Даже сам царь и тот не смеялся больше. Лицо у него стало грустное-прегрустное, а глаза, которые умели только улыбаться, теперь блуждающе смотрят вдаль, где старуха Нужда, переходя из дома в дом, все смеется, скачет, приплясывает. И где только она покажется, люди сразу разучаются смеяться.

-- Перестань же, старуха! -- кричат ей.

Но старуха не унимается.

-- Ха-ха-ха! Заставили вы меня смеяться, -- отвечает она, -- теперь я не могу перестать...

-- И с тех пор Веселое царство превратилось в царство грусти.